

Марина Загидуллина
Олимпиада в Сочи, Лотман в Тарту
и Путин в Пензе: институциональная значимость
и «коэффициент полезного действия» треугольника
«литература — литературоведение — власть»

Точкой отсчета в настоящей статье избирается церемония закрытия Олимпийских игр 2014 года в Сочи (эпизод «русская классика» в постановке Константина Эрнста), материалы опросов Левада-центра о месте классической литературы в читательских предпочтениях российских жителей, а также выступления руководителей страны, касающиеся классического наследия, и мнения самих литературоведов о взаимоотношениях профессионального поля с властью.

Классика, являясь своеобразной синекдохой «литературы вообще», выступает определенным центром литературоведения (собственно, литературоведение как социальный институт в отдельно взятой стране может возникнуть только тогда, когда формируется канон — признанный перечень национальных авторов и текстов, рассматривающихся одновременно как гордость страны и достижение мировой литературы). Основной институциональный конфликт при этом разворачивается в сфере осмысления функций литературоведения самими его акторами (хранить ценности — как эстетические, так и этические, обнаруживая новые глубокие смыслы литературы) и властью (укреплять незыблемость системы всеми идеологическими способами, используя — в том числе — и литературу как объект национальной гордости). Глубокое исследование корней этого конфликта и анализ изначальной ангажированности литературоведения «по умолчанию» был

проведен в работе Бориса Дубина и Наталии Зоркой несколько десятилетий назад [11]. Задачей исследователей было информировать отечественных литературоведов о широком круге тем и исследователей, занятых постановкой и изучением этих вопросов.

Неизбежность социальной перегруженности всего литературоведения (в том числе общественными практиками, подобными школьному сочинению или экзамену по литературе (и спискам для обязательного чтения — см. [10]) обусловлена тем местом, которое литература как научный объект литературоведения продолжает занимать в общественной жизни (во многом благодаря спекуляциям политики на классическом литературном поле). Так создается «ниша» всего литературоведения как «департамента» социального института литературы. Однако выполнение литературоведческой работы интеллектуалами, не только «освоившими» большой пласт художественной литературы, но и воспитанными на этих текстах, оказывается конфликтным (социальная функция, предписанная «теми, кто платит», конфликтует с ценностными смыслами деятельности, усвоенными в ходе образования и самообразования самими акторами социального института; это во многом верно и для советского, и для постсоветского литературоведения). Конфликт может принимать формы различной степени болезненности, вести к горьким компромиссам, а иногда к бегству от предлагаемого в таких условиях поля деятельности (то есть отказу от литературоведческого труда — сознательному либо вынужденному).

Литературоведение, стремясь сохранить свою значимость, вынуждено признать власть идеологического императива, более того, институциональная рефлексия позволяет видеть искусственные способы сохранения значимости литературоведения и создания условий для его существования и развития, а значит, ценить вмешательство власти в работу социального института. Несомненно, важной остается «глубина компромисса» и пределы консенсуса, за которыми наступает очередной виток конфронтации и угрозы развала треугольника «литература — власть — литературоведение».

Между тем, по мнению Бруно Латура, наука (вообще) имеет смысл только тогда, когда она делает свою «священную лабораторию» местом поклонения «профанной массы». Размышляя о том, почему газетчики и читатели пристально следили за развитием «колонии микробов» под микроскопами лаборатории Луи Пастера, он отмечает, что это был результат грамотного перевода интересов других людей на язык акторов этой лаборатории [14: 213]. Именно Латур проводит четкую параллель между любой наукой и политикой: «Этот процесс одновременно и является, и не является политическим. Он является таковым, поскольку ученые обретают источник силы. Он таковым не является, поскольку источник новой силы не поддается простому рутинному определению политической силы. „Дайте мне лабораторию, и я сдвину общество“, — говорю я, пародируя Архимеда. Теперь мы знаем, почему лаборатория является таким хорошим рычагом. Но если я также спародирую лозунг Клаузевица, то мы получим полную картину: “наука есть не что иное, как продолжение политики иными средствами”» [14: 241].

В свою очередь, перефразируя Латура, мы можем подчеркнуть, что литературоведение не может оказаться вне политики (или «над ней»). Оно неизбежно вовлекается в политическую (и — что намного значимее — идеологическую) орбиту. Отрицание самого этого факта может быть присуще самим акторам литературоведения, их частным убеждениям, однако в масштабе социального института литературы это — неизбежность.

Проведение исследований массового сознания в период празднования 200-летия со дня рождения Пушкина позволило выявить ряд тенденций в функционировании классики в медиатизирующемся обществе [12: 191-194]. В то же время важно, что для среднестатистического россиянина классическая литература сохраняет сакральный статус (при этом факт приобщения к ней не так важен — массы «нечитателей» литературы все же хранят в своем сознании «память» о содержании текстов — понаслышке, благодаря своеобразным «мемам культуры»), если использовать понятие «мем» в доукинзовском

смысле [9]. Все это создает предпосылки для перемещения классической литературы из «лаборатории» литературоведов в «поле» политики.

Согласно Пьеру Бурдье, коммерциализация и идеологизация любого культурного поля — неизбежны, это — хоть и весьма прихотливо — относится и к полю литературы [3]. Но при этом помещение литературного поля внутрь поля власти (как микрокосма в макрокосм) имеет свои особенности и последствия.

Прежде всего, такой особенностью становится постоянное *использование* даже не самой классики, а ее суправербальных (по Николаю Рубакину: «К отделу суправербальной библиопсихологии относится исследование не только перехода отдельных слов в каждой фразе в бессловесные переживания или в переживания, выраженные другими словами, но и перехода нескольких фраз в одно общее суммарное переживание и перехода нескольких текстов, книг и целых групп книг — в их суммарные переживания высшего порядка» [19: 157]) ярлыков в политических практиках.

В качестве простого примера такого использования обратимся к выступлению Президента РФ 15 октября 2014 года в Пензе на Форуме ОНФ «Качественное образование во имя страны»: «По результатам его жизни и творчества очень много споров. До сих пор спорят по поводу того, каких политических взглядов придерживался Лермонтов. Он был сложный человек, очень интересный. Но все, кто бы ни спорил, не могут отрицать одного очевидного факта: это был гений, и это наш гений. Безусловно, Михаил Юрьевич был патриотом, это очевидный факт. По-разному можно к этому относиться и разное содержание вкладывать в эти понятия, но это абсолютно непреложный факт» [17, 18].

Как видим, «местосознание» в данном случае (Пенза, Тарханы — усадьба Лермонтова, посещенная первым лицом страны впервые в его в жизни, о чем он сообщил участникам форума) оказывается важной «привязкой» к суправербальному пассажи. Для оратора важно, что идут споры (и, как ощущается в подтексте, споры спекулятивные, дающие нежелательную

для поля власти оценку его творчеству и судьбе). Именно поэтому и важно «подкорректировать» эти взгляды. Президент акцентирует внимание на политической стороне взглядов поэта и подчеркивает, что он был патриотом. Само понятие «патриот» при этом дается как «слово с оглядкой» (по Михаилу Бахтину, «у Достоевского почти нет слова без напряженной оглядки на чужое слово» [2: 272]) — как бы мы ни понимали патриотизм, это не важно, важно главное — «это был наш гений» (звучит аналогично расхожему многозначительному «наш человек» — выражение, подчеркивающее, что некая персона «в нашем лагере»; ср. у Михаила Гаспарова: «идеологическая схема навязывает всем эпохам одну и ту же систему ценностей — нашу. Что не укладывается в систему, объявляется досадными противоречиями, следствием исторической незрелости» [5]). «Макрокосм» власти в данном случае диктует «микрокосму» литературоведения правильное понимание спорного момента — это можно рассматривать как политический заказ. Но особенность момента заключается и в том, что это «заказ народный», корреспондирующий с пониманием массовым. Не случайно в том же 2014 году был подписан Указ Президента РФ от 12.06.2014 № 426 «О проведении в Российской Федерации года литературы».

Более сложный культурный код взаимоотношений полей обнаруживаем в шоу, посвященном закрытию Олимпиады-2014 в Москве (сценарий Эрнста). Сам автор сценария сообщил журналистам, что это будет «артхаусная церемония» (по контрасту с «блокбастерным открытием»). Как известно, «артхаусный» означает «для немногих избранных», не ориентированный на массовые вкусы и массовое сознание. Интересно, что эпизод «русская литература» как раз был построен с «двойным вызовом» — это была апелляция к «советскому» и «диссидентски-советскому» (набор имен и цитат, скорее, отражал идеологию перестройки с ее «возвращенной литературой» и актуализацией «человеческого лица социализма», см. [6]). Тем не менее в целом эпизод был призван символизировать значимость русской литературы в культуре, идеологии и — главное — самоидентификации России, основанной на

отборе тех культурных фактов, которыми можно гордиться «перед лицом всего прогрессивного человечества». Когда Бурдье говорит о «Республике Словесности» как наиболее удачном конструкте, отражающем «цеховой» характер литературы, ее полную свободу от коммерции и власти, ее жизнь по «гамбургскому счету», как выразился Виктор Шкловский [20], он не учитывает, что даже и свобода социального института (будь она мнимой или подлинной) обращается в политический конструкт и ярлык. Сам факт отнесения великой русской литературы и чтения к достижениям России перекликается с утверждением «самая читающая страна в мире» и относится к манифестациям национальной гордости. В опросах Левада-центра находим уверенное позиционирование самого понятия «великая русская литература» в верхней части перечня общемировых достижений России (табл. 1).

Таблица 1

Что из перечисленного в истории нашей страны вызывает у Вас чувство гордости? (% от числа опрошенных):

	1999	2003
Победа в Великой Отечественной войне	86	87
Ведущая роль страны в освоении космоса	50	59
Достижения российской науки	52	51
<i>Великая русская литература</i>	46	48
Моральные качества русского человека — простота, терпение, стойкость	45	44
Превращение страны после революции в одну из ведущих промышленных держав	42	32
Слава русского оружия	35	35

Источник:[15: 177].

В трехминутном эпизоде на сцене была инсталлирована «библиотека», где за большими письменными столами сидели известные писатели (Лев Толстой, Фёдор Достоевский, Иван Тургенев, Александр Пушкин, Николай Гоголь, Анна Ахматова, Владимир Маяковский, Александр Солженицын, Антон Чехов, Николай Гумилев, Марина Цветаева, Осип Мандельштам, Михаил Булгаков, Сергей Есенин, Александр Блок,

Иосиф Бродский и другие). Кроме того, шесть больших рам содержали портреты русских писателей (и портреты эти все время менялись). Таким образом, пантеон русских писателей предстал перед зрителями полностью. Значение имела также музыка (вальс Арама Хачатуряна к «Маскараду» Лермонтова) и цитаты, звучавшие во все время эпизода: «Послушайте! Ведь, если звезды зажигают — значит — это кому-нибудь нужно?» (Владимир Маяковский); «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда» (Анна Ахматова); «Всё смешалось в доме Облонских» (Лев Толстой); «Я к вам пишу — чего же боле? Что я могу ещё сказать?» (Александр Пушкин); «Есть чувства, которые поднимают нас от земли» (Иван Тургенев); «Для мудрого достаточно одной человеческой жизни, а глупый не будет знать, что ему делать с вечностью» (Александр Солженицын); «Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил» (Федор Достоевский); «Уж сколько их упало в эту бездну разверстую вдали! Настанет день, когда и я исчезну с поверхности земли» (Марина Цветаева); «Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки, молчаливые рыбы» (Антон Чехов); «Рукописи не горят» (Михаил Булгаков) [1].

Как видим, выбор имен и цитат «нелинейен» (то есть не относится к числу самых прецедентных текстов, приходящих на ум любому носителю языка, «знающего» классику в ее суправербальном виде). Более того, общее ощущение от этих цитат (когда они воспринимаются непрерывным потоком в виде особого, окказионально созданного текста) — печаль и (в подтексте) бескорыстное служение. В лиризме, созданном с помощью этих фраз, нет места ни смешному или комическому, ни пафосно-пропагандистскому (хотя и то, и другое мы можем считать значимым в общей характеристике русской литературы). Репрезентация русской литературы здесь позволяет видеть своеобразный консенсус с литературоведческим полем (не случайно в 1911 году, на праздновании столетия Общества любителей российской словесности, известный литературовед Семен Венгеров отметил именно «Великую Печаль русской литературы»: «Русский литературный гений можно конкрет-

но представить только со строгими чертами лица, с глазами лихорадочно устремленными в мистическую даль. Но ни в коем случае Великую Печаль, великую тоску русской литературы не следует смешивать с унынием. Уныние — начало мертвящее, а русская печаль — начало творческое» [4: 24]).

Такие «совпадения» (обобщение на уровне актора литературоведческого поля и на уровне сценариста мирового шоу с сюжетом на эту тему) говорят о закреплённости общего представления и его легитимации, что и лежит в основе треугольника «литература — литературоведение — власть».

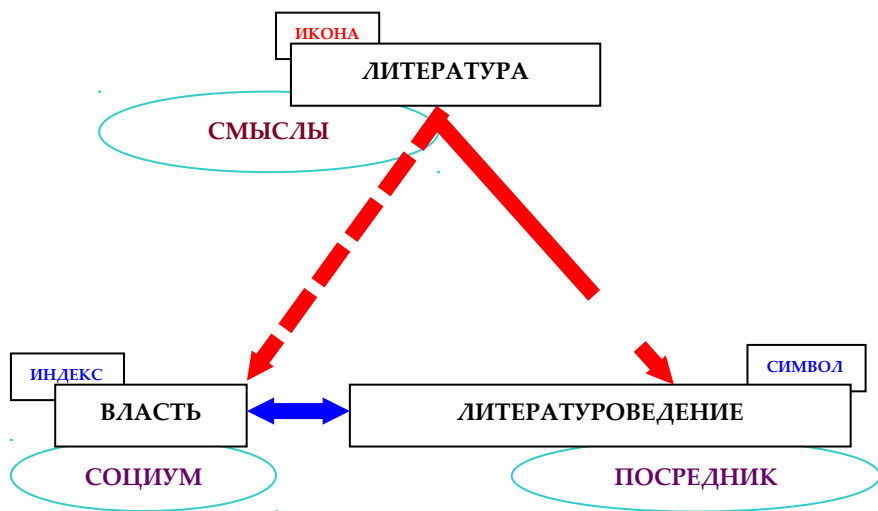

Рис. 1. Тернарная модель «литература — литературоведение — власть».

Переходя к самой объяснительной модели общественных взаимоотношений в виде треугольника (см. рис. 1), следует подчеркнуть, что такая форма привычна для философии языка и философии социально-гуманитарных полей в целом. В «Культуре и взрыве» Юрий Лотман использует оппозицию тернарных и бинарных структур для объяснения особенностей российского пути: «В первых всегда сохраняется преемственность, обычным является взрыв в одних сферах культуры и одновременно преемственность, сохранность плавного развития в других сферах, так что можно говорить о европейской

способности „сохранять в изменениях неизменность“ <...> Тернарная система стремится приспособить идеал к реальности, бинарная — осуществить на практике неосуществимый идеал» [16: 245, 267-268]. Тернарность (даже физически — три точки определяют плоскость) есть залог устойчивости. И поэтому треугольник «литература — литературоведение — власть» может рассматриваться как удобная схема, позволяющая переоценить понятие «свободы» (и борьбы за нее) мировой Республики Словесности (и конкретнее — русской литературы).

Бинарная конфликтность на каждой стороне треугольника может рассматриваться как стремление к победе над «противником» либо игнорирование его. При этом мы можем рассматривать литературу как аналог «равнодушной природы» (что, конечно, является допущением, однако применительно к классике может быть признано верным). Литературоведение, вступая во взаимоотношения с литературой, стремится игнорировать власть (идеологию) с ее императивами и «указаниями». Но одновременно и «отстраивается» от своего объекта (так, Гаспаров характеризует Лотмана следующим образом: «Человек с острой интуицией и артистическим душевным складом, он считал, что искусство и наука — это средства человеческого взаимопонимания с помощью двух взаимодополняющих культурных кодов, которые хороши, пока их не смешивают. И он их не смешивал» [5]). В то же время «власть» (означивающая собой не только идеологию, но и социум — что убедительно показал в своих исследованиях Евгений Добренко) стремится «присвоить» литературу без посредничества литературоведения, претендующего на открытие истины, возможно, неудобной или даже ненужной власти. Это взаимное игнорирование друг друга и есть тяготение к бинарности, в свою очередь чреватой взрывом и разрушением системы.

В категориях теории Чарльза Пирса мы могли бы обозначить вершины треугольника как «икона», «индекс», «символ». В свое время Роман Якобсон характеризовал это учение в аспекте хроноса: «Итак, бытие знака-символа отличается от бытия знака-иконы и знака-индекса. Икона имеет такое бытие, которое принадлежит ПРОШЕДШЕМУ опыту. Знак-индекс

имеет бытие НАСТОЯЩЕГО опыта. Бытие знака-символа состоит в том действительном факте, что нечто будет испытано, если будут соблюдены определенные условия <...> Это потенциальность; и модусом ее бытия является *esse infuturo*. БУДУЩЕЕ потенциально, а не актуально <...> Значение знака-иконны состоит в том, что он представляет свойства вещей, рассматриваемых в качестве чисто воображаемых. Значение знака-индекса в том, что он подтверждает действительный факт. Значение знака-символа в том, что он делает мысль и поведение рациональными и позволяет нам предсказывать будущее» [21: 169]. Такой подход обладает значительной объяснительной силой и, применительно к схеме-треугольнику «литература — литературоведение — власть» позволяет закрепить за властью «настоящее», за литературой — прошедшее, а за литературоведением — будущее. Это означает, что литературовед может подняться на уровень прогноза в рамках литературы как социального института и дать интерпретации произведений искусства, подымающие завесу над будущим, позволяющие видеть сквозь литературный текст «горы грядущего». Но такая деятельность нуждается в закреплении сегодняшнего дня, в институционализации той платформы, с которой будет производиться «шаг в будущее».

Гарантом такого настоящего и выступает власть, «замещающая» собой «волю народа». «Настоящее» проявляется в десятках сложившихся и затвердевших форм: школьных программах, составе экзаменационных вопросов, вузовских курсах истории литературы и т. п. И эту работу само литературоведение организовывать не может, это функции чиновные. Но именно поэтому и невозможно исключить это звено из цепочки. Проблема возникает потому, что в своих действиях по закреплению «настоящего» чиновники не нуждаются в литературоведах — либо обращаются к ним крайне редко и понимают их недостаточно. Нередко решения принимаются без консультаций с профессионалами, что вызывает справедливое возмущение литературоведческой общественности. Мнение о том, что литературное образование подвергается неуклонному разгрому, стало общим в дебатах вокруг ЕГЭ или школьно-

го сочинения. Преодоление конфликтной системы отношений и установление относительной гармонии в «треугольнике» — важнейшая институциональная задача. Всякая конфликтность и разрушение тернарности делает систему неустойчивой и угрожает ей если не уничтожением, то переводом в маргинальное поле социумного развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. XII Зимние Олимпийские игры в Сочи. Первый канал. http://russia.tv/video/show/brand_id/48863/episode_id/969416. 73—77 min.
2. Бахтин, Михаил. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советский писатель, 1963.
3. Бурдьё, Пьер. Поле литературы // НЛО, № 45, 2000, с. 22—87. <http://bourdieu.name/content/burde-pole-literatury>
4. Венгеров, Семён. В чем очарование русской литературы XIX века? (Речь, произнесенная в Москве 22 октября 1911 г. на праздновании столетнего юбилея Общества Любителей Российской Словесности). СПб.: Прометей, 1912.
5. Гаспаров, Михаил. Ю. М. Лотман: наука и идеология // Избранные труды, т. 2, М.: Языки русской культуры, 1997, с. 485—493. <http://www.philology.ru/literature1/gasparov-97a.htm>
6. Гудков, Лев, Дубин, Борис. Литература как социальный институт. М.: НЛО, 1994.
7. Добренко, Евгений. Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб.: «Академический Проект», 1999.
8. Добренко, Евгений. Формовка советского читателя: социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб.: «Академический Проект», 1997.
9. Докинз, Ричард. Эгоистичный ген / пер. с англ. Москва: Мир, 1993.
10. Дубин, Борис, Зоркая, Наталия. Чтение в России—2008. Тенденции и проблемы. Москва: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2008. <http://www.levada.ru/books/chtenie-v-rossii-2008-tendentsii-i-problemy>
11. Дубин, Борис, Зоркая, Наталия. Идея «классики» и ее социальные функции // Проблемы социологии литературы за рубежом. М.: ИНИОН АН СССР, 1983, с. 40-82.

12. Загидуллина, Марина. Пушкинский миф в конце XX века. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2001.
13. Королев, Василий. Эрнст: церемония закрытия Олимпиады в Сочи будет артхаусной // RIA Новости, 23.02.2014. http://ria.ru/sochi2014_around_games/20140223/996504085.html
14. Латур, Бруно. Дайте мне лабораторию и я переверну мир! // Логос, № 5-6 (35), 2002, с. 211-242.
15. Левада, Юрий. Сочинения. Избранное: социологические очерки, 2000—2005. М.: Издатель Карпов Е. В., 2011.
16. Лотман, Юрий. Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992.
17. Официальный сайт Президента РФ. Стенограммы. Выступление на форуме «Качественное образование во имя страны» 15.10.2014. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/46805>
18. Путин выступает на форуме в Пензе 15.10.2014. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=0LtDMDPaxM>
19. Рубакин, Николай. Психология читателя и книги. Краткое введение в библиологическую психологию. М.; Л.: ГИЗ, 1929.
20. Шкловский, Виктор. Гамбургский счет: статьи, воспоминания, эссе (1914—1933). М.: Советский писатель, 1990.
21. Якобсон, Роман. Язык и бессознательное: работы разных лет. М.: Гнозис, 1996.